МАСТЕРА

Зоя ЕСТАМОНОВА

Два эссе о художниках

Галина ПИСАРЕВСКАЯ: «Я была увлечена солнечным светом...»

На днях в мастерской Галины Писаревской я увидела маленькую девочку с акварельной кисточкой в тонких, еще непослушных пальцах.

– А теперь, Таня, берешь чуть-чуть беленького, только пальчиками легко-легко... Снежинки... Много-много снега... Солнышко... А из солнышка получилась солнечная девочка...

Ожидая, пока закончится этот урок-игра, я вспомнила первые встречи с художницей. О них мне напоминали все те же, что когда-то, букеты сухих трав, кружевного папоротника, ветви рябины. В те далекие 80-е годы Галина, известная как талантливый живописец, все чаще возвращалась к натурным рисункам листьев, колосков, полевых цветов, мхов и лишайников.

Эти рисунки переходили в композиции карандашом, тушью, акварелью, в этюды маслом и наконец становились серией «Портреты сибирских трав».

Те из коллег, которые, удивляясь, называли ее ювелирные, графически суховатые зарисовки «ботаническим атласом», наверное, не понимали главного: в малых созданиях природы, которые мы топчем ногами, художница исследовала таинственный труд матери-природы, созидающей и совершенствующей каждую былинку, семечко, букашку.

Понять Галину мог тот, кто не расставался в душе с детским любопытством, кто часто смотрел на ночные звездные чертежи, а потом, заглядывая в микроскоп, видел, как и в листике полыни плавают некие космические сферы, тот, кто спрашивал себя, отчего ветвящиеся в нашем теле сосуды подобны зеркальному отражению растительных ветвей.

В юном возрасте Галина любила математику, физику и логику. Наверное, способности к этим предметам позже помогали в изучении формы утонченных и причудливых конструкций сибирских травок.

Чаще в нас преобладает что-то одно: рациональное начало или эмоции правого полушария. В истинном художнике мысль и чувство живут в гармонии. Но любой художник – личность со своими пристрастиями. Пристрастия Галины – постоянное обращение к нашему родству с природой.

В картине «Болдинская осень» она создаёт фантастическую композицию, где поэт на белом коне вписан в осенний пейзаж, а листы его рукописи, гусиное перо и письменный стол нераздельны с поэмой пышных полевых трав.

Для профилактория «Сосновый бор» она создаёт занавес в технике макраме, где в чистом поле, напоминающем по колориту оттенки осенней травы, поселились бабочки и жучки.

Мотивы цветущих растений вписаны в живописные работы и росписи, посвященные космосу, а в росписи для Дворца пионеров можно видеть, как любимые художницей «Сибирские травки» поднимаются выше многоэтажек.

День за днем тщательно прорисовывает Галина ветви, хвою, шишки и причудливо изогнутый ствол пихты, создавая портрет старого дерева, заставляющий задумываться о могучей красоте сибирской природы.

Свой творческий метод Галина Писаревская называет «переживанием таинственности, невыразимым в словах».

Живописные и графические портреты, пейзажи, натюрморты, композиции «Сибирских травок» и даже модели декоративно-карнавальных костюмов из упаковочных материалов – всё это способы раскрытия и воплощения в образы художнической энергии.

Одна из чудесных тайн природы – цвет, его влияние на наши чувства.

Существует цветотерапия. Кто из нас не испытывал активное, тревожащее воздействие красного, спокойствие, которое дарит небесная синева, гармонию, которую ощущаешь на лоне летней зелени? Но каждый ли знает, что в зеленой краске таится объятие синего и желтого, что, допустим, при слиянии контрастов зеленого и красного получается нейтральный серый? Цветоведение – грамматика живописи. Но живописец ощущает еще более уникальные свойства цветовой гаммы.

«Энергия цвета в пространстве» – такова научная программа по изобразительному искусству, авторство которой принадлежит педагогу-подвижнику Галине Писаревской.

В 80-90-е годы, выезжая в разные районы области с передвижными выставками кузбасских художников, она пропагандирует их творчество, ведет семинары, курсы, конференции для преподавателей детских садов, общеобразовательных и художественных школ. Преподает в университете культуры. И особое внимание – занятиям с детьми. Как могло быть иначе? Уже в первой поездке в Горную Шорию, где ее захватило богатство световых эффектов среди таежных гор и рек, где родились такие одухотворенные пейзажи, как «Хрустальный свет», невозможно было не отозваться на любопытство окружавших мольберт детей.

– Дети, а солнце, оно какое?

– Желтое!

– Оно может быть всякое. Давайте будем его рисовать...

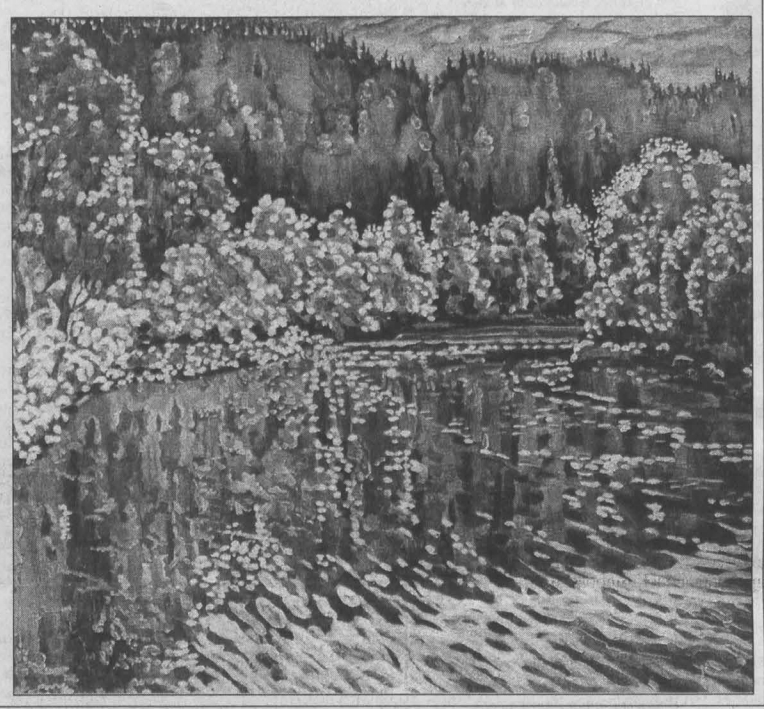
Заработанные на семинарах деньги она часто использовала на покупку красок и кистей для ребят, оплатила учебу особо одаренному мальчику.

Я смотрела на появлявшийся у меня на глазах рисунок «солнечной девочки», а думала о той, маленькой Гале 40-х годов, в которой трудное детство вдруг пробудило грёзы и странные озарения памяти, их она переводила в свои первые рисунки.

Рано ушла из жизни мама. Отец, работавший в Новосибирском облисполкоме, расставшись с бронью, ушел на фронт добровольцем, погиб, защищая Ленинград.

...Вот уходит на фронт еще один эшелон. К поезду вышли с цветами малыши из детского дома. Галя среди них.

Нарисуй, напиши, Галина Николаевна, себя – белокурую, светлоглазую девочку на руках у незнакомого солдата, которому ты даришь веточку сирени...



Иван ФИЛИЧЕВ: «Видеть сердцем»

Окутанная лаской золотистого, солнечного цвета юная женщина, ожидающая ребенка. Восклицание радости в букетах сирени и маков. Звонкие краски в картинах с изображением православных храмов. Подобно сказочному видению возникают из цветоносных таинственных недр фигуры сибиряков. В руках одного из них самоцветом мерцает кристалл каменного угля. Другой, отмеченный огненной шевелюрой, – легендарный Михайло Волков.

Общее у этих столь разных произведений – цветовой максимализм. Автор юбилейной выставки, где можно увидеть эти работы, живописец с серебряной сединой – заслуженный художник России Иван Иванович Филичев.

Не впервые мы видим на филичевских выставках небывало активную жизнь цветовой гаммы. Только в первых своих работах Филичев был сдержан, а порой даже аскетичен в колорите. С 70-х годов, к удивлению всех, кто его знал, Иван воюет с белой краской палитры, которая, как известно любому живописцу, помогает создавать тон, но зато разбавляет и ослабляет насыщенность цвета. Сложная задача – работать, исключая белый, – требовала, как говорил сам экспериментатор, адского труда, заставляла искать выразительные созвучия в борьбе теплых и холодных цветовых контрастов.

Стремление к цветовому максимализму – один из путей беспредметной живописи. В 1991 году Иван Иванович буквально шокировал зрителя обилием условно решенных композиций. Своеобразным продолжением этой экспозиции стала выставка 2002 года «Авангард Ивана Филичева». Но не суждено было нашему художнику принять устав живописцев нефигуративного искусства.

Творческая биография Ивана Филичева – подвижническая жизнь в самой гуще событий. Он пишет портреты богатырей-шахтеров, богатырей-металлургов, первопроходцев БАМа, поэта, писателя, диктора, летчика, Героя Советского Союза Юрия Бабанского...

На юбилейной выставке можно видеть привезенные из Монголии акварели бархатистых гор, тающих закатов, радужных миражей и динамичные рисунки-импровизации. А если вы побываете в филичевской мастерской, вас поразит обилие рисунков и небольших живописных картонов. Все это воплощение требующих выхода неиссякаемых эмоций и мыслей.

Среди весеннего, радостного многоцветья экспозиции есть только один диссонанс – картина 1990 года с необычным названием: «Россия, как грустно...». Истощенные, голубоватые, как призраки, дети за скудной трапезой военного времени.

Для меня определяющей нотой в искусстве Филичева всё ещё остаются его слова: «Я пережил войну и продолжаю ее переживать».

Иваново детство... Вой сирены, зарево бомбежек, прощание с отцом и уходящим в партизаны шестнадцатилетним братом, оккупированный немцами Брянск, угроза расстрела, хлеб с опилками...

В 1968 году в картине-триптихе «Та самая минута» он впервые открыл нам спрятанную глубоко в душе память-переживание этих вечных минут человеческой скорби: разорванной мирной жизни, прощания, безутешного горя матери, дарящей жизнь и теряющей сыновей, пока существуют войны.

В этой картине его кисть впервые отчетливо вступила в сражение, создавая в борьбе солнечных и холодных красок неповторимую, филичевскую драматургию: цвет – символ, психологизм цвета.

Мы видели на выставках 70-х - 80-х годов его картины о войне: портрет отца-фронтовика, горестное молчание родителей в День Победы, девушку в гимнастерке, позолоченную мерцающим светом коптилки, монументальные фигуры брянских партизан... Как землячка и ровесница Ивана, не могу забыть его картину «У родной хаты».

Высвеченное бликами пожара лицо солдата отливает вороненой сталью. Руки, сжимающие автомат, также кажутся отлитыми из металла. Застывший на пепелище родного очага солдат подобен памятнику трагической тишины, уничтоженной фашистами деревни.

Думаю, что память 40-х, олицетворенная когда-то в картинах войны, теперь является в творчестве Филичева как постоянное, скорее всего неосознанное стремление – одолеть пережитое-незабываемое всем жизнеутверждающим строем живописи.

Оптимизм и духовный подъем – наше национальное преимущество, благодаря которому Россия выживала и продолжает выживать во времена самых тяжких испытаний. Генетическая природа берет своё. В этом убеждаешься, когда видишь, как в последние годы множатся работы Филичева, посвященные святым местам Отечества.

Путешествие по Золотому кольцу и посещение Киево-Печерской лавры – только внешняя причина настойчивого обращения живописца к образам Православия. Русские церкви, соборы, монастыри – это праздник и вершина духовной жизни. Прикасаясь к холсту, наполненная краской кисть оживляет неподвижность архитектуры. Храм начинает дышать, звучать, напоминая нам о звуках литургии, о молитвах в часы богослужения.

Для меня филичевская многослойность цвета, погружающая храм в живую стихию вибрирующего пространства, по сути своей – историческое дыхание Родины, то, что именуется соборностью нашего народа.

– Ты счастлив, Иван Иванович?

– Да. Особенно за мольбертом...

Кемерово.

Новые книги

Дмитрий КЛЁСТОВ. «Любо-дорого»

Очередная книга поэта. Несколько уже знакомых стихов. И ещё нечитанные.

Исключительная черта Клёстова – поэтизация простых истин и простых вещей. На равных с поэтом «пила-кормилица», шахтёрский «шнур огнепроводный», «смоляные бока чифирбака». И оказывается – душа не загрубела в постоянных заботах о насущном хлебе. И хлеб этот сладок, когда достался собственным тяжким трудом.

Нет непоэтичных ситуаций и сюжетов, непоэтичных людей. Невольно вспомнится бессмертный завет Пастернака о том, что не надо задирать голову и искать поэзию в небе, присмотритесь – она рядом, в этой траве.

Недавно житель старого сибирского города Гурьевска Дмитрий Петрович Клёстов стал членом Союза писателей России. Наши поздравления!

* * *

В лубяной сторожке лесосклада
Я пригрел мальчонку-конокрада.

Будто с настоящим человеком,
С ним делился хлебом и ночлегом,

Мыслями о праведном, о скверне
В нашей позаброшенной деревне.

В голове его мозгов не густо.
Поводок ремённый недоуздка

Теребил мальчишка, словно чётки,
Посылал меня к ядрёной тётке.

И в каком-то старческом молчанье
Целый день валялся на топчане,

А когда смолкали перепёлки,
Оглашались топотом просёлки,

Гнал свои мальчишеские годы
К перекрёстку скорби и свободы.

Владимир ЕСЕНИН. «О слове, сердцами согретом»

Книга вышла приложением к журналу «Огни Кузбасса».

Половина её – эссе об именитых кузбасских поэтах Виталии Крёкове, Борисе Бурмистрове, Сергее Донбае, Валерии Зубареве, Александре Каткове, Владимире Иванове, Иосифе Куралове. Это не разбор произведений, не анализ сильных (или слабых) сторон творчества, не отделение зёрен от плевел и даже не рассуждения о стилистике «хороших и разных». Это семь похвал семи авторам.

К сожалению, похвалы друг на друга сильно похожи. Таково свойство любых апологий – трудно выдумать что-то глубоко оригинальное. Через то и поэты кажутся похожими, словно новобранцы в строю.

Другая половина книжного объёма – собственные прозаические произведения Владимира Есенина. Довольно странное сочетание. Смотрится неорганично. Пускай было бы две, пусть и небольших, книжки.

Юрий СВЕТЛАКОВ. «Автор-оператор»

Известный всему Кузбассу телеведущий – изобретатель невероятных «Шагов за горизонт». Кроме того, вёл циклы передач «Рассказы о Кузбассе», «Семейный альбом» и др. Естественно, кино- и телеоператор, это понятно по названию. Плюс журналист и писатель – автор нескольких книг. Дальше: преподаватель университета культуры и искусств. Академик какой-то неформальной, но международной академии альтернативных наук. А также путешественник: пристрастный объект его «выходов в мир» Горная Шория и Горный Алтай, следствие – телевизионные интервью, очерки и фильмы, целое собрание телесочинений, которых хватило бы за четыре с лишним десятилетия работы на Кемеровской студии на несколько DVD-дисков.

Единственный пробел Светлакова – не удостоил беседой отшельницу Агафью Лыкову. Как-то он сказал на публику, что просто не верит в её существование и все писания о ней и вокруг неё считает мистификацией. Видимо, из круга некоторых, особо сумасшедших передач цикла «Шаг за горизонт». Очередная нескучная книжка Юрия Светлакова со скучным предуведомлением на титульном листе, мол, рекомендовано в качестве учебного пособия по курсу «Операторское мастерство». Если так, если «учебное пособие», то в духе знаменитых «Занимательной физики» Перельмана или «Занимательной минералогии» Ферсмана. То есть – «Занимательная кинематография», которой можно не только научиться, но и развлечься.

Василий ПОПОК.